

УДК 82

**ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ ТРЁХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.А. БУЛГАКОВА
(«В НОЧЬ НА 3-е ЧИСЛО», «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ», «Я УБИЛ»)**

© 2013 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

olsios@mail.ru

Поступила в редакцию 10.11.2012

На материале романа «Белая гвардия» и рассказов «В ночь на 3-е число» и «Я убил» рассматривается эпизод, в котором петлюровец совершает убийство, а свидетелем этого становится доктор. Анализируется художественная трансформация данного эпизода в связи с общей идеей каждого из произведений.

Ключевые слова: интеллигенция, революция, символика звёзд.

В 1919 году, в ночь со второго на третье февраля, Михаил Булгаков стал свидетелем страшного, трагического события: петлюровец со зверской жестокостью убил ни в чём не повинного человека, который просто попался ему под руку [1; 2]. Увиденное настолько потрясло писателя, что он навсегда запомнил эту февральскую ночь, а впоследствии изобразил упомянутое событие в трёх своих произведениях: «В ночь на 3-е число», «Белая гвардия», «Я убил». И в каждом из них соответствующий эпизод по-своему художественно трансформировался и переосмысливался.

В рассказе «В ночь на 3-е число» (он был написан в 1922 году) петлюровцы жестоко расправляются с евреем и чуть не убивают сечевику, заподозренного в дезертирстве. Свидетелем и того, и другого является доктор Бакалейников, он совершенно потрясён случившимся, но не может ничего сделать: не в его власти покарать зло и защитить жертву. Он лишь воображает, как в Слободке появляются большевики, петлюровцев настигает возмездие, а он сам решительно и безжалостно казнит жестоких «погромщиков». Заметим, что этот рассказ имеет подзаголовок «Из романа “Алый мах”», – по мнению исследователей, это был один из первых вариантов названия «Белой гвардии» [1], то есть рассматриваемый эпизод задумывался как фрагмент этого романа. И действительно, такой вариант завершения произведения был написан М.А. Булгаковым, но не был напечатан из-за закрытия журнала «Россия» [1].

Рассказ «Я убил» М.А. Булгаков опубликовал в журнале «Накануне» в 1926 г. В этом произведении он заново художественно переосмысливает вышеизложенное событие: доктор Яшвин ста-

новится свидетелем жестокого убийства, совершаемого петлюровцем, который к тому же после этого приказывает расправиться ещё и с несчастной вдовой, обвинившей его в жестокости. Если в рассказе «В ночь на 3-е число» и в неопубликованном варианте финала «Белой гвардии» доктор – представитель русской интеллигенции, гуманист по натуре – лишь в воображении может убить палача, то в рассказе «Я убил» (название его говорит само за себя) доктор Яшвин действительно совершает убийство петлюровского полковника как акт возмездия за цинизм и жестокость, которые так долго были безнаказанными и принесли столько горя другим.

Булгаков много писал о нравственном выборе врача, но в рассказе «Я убил» ракурс темы очень необычен. Традиционно (и не только у Булгакова) она была связана с подвижничеством во имя спасения человека, а в данном случае, наоборот, совершается убийство, и его нравственная оценка если не прямо положительна, то, во всяком случае, не имеет явного негативного оттенка: это воспринимается как поступок, оправданный с эмоциональной точки зрения, поступок, который чисто по-человечески можно понять, это своего рода «кровь по совести». Можно предположить, что к 1926 году писатель несколько изменил свое восприятие подобной ситуации (по сравнению с началом 20-х годов) и пришёл к убеждению, что интеллигенция, пережившая революцию, гражданскую войну, не может, да и не должна остаться прежней: «Вот писали все: гнилая интеллигенция, гнилая... Ведь, пожалуй, она уже умерла. После революции народилась новая, железная интеллигенция» [3]. Даже самый гуманный человек, попав в такую ситуацию, как

доктор Яшвин, окажется способным на убийство, причём именно из высоконравственных соображений. Этот герой (как в «Собачем сердце» Борменталь, с его отношением к Шарикову) олицетворяет собой интеллигенцию «новой формации» – так сказать, добро с кулаками.

Трагическая ситуация в рассказе «Я убил» становится серьёзным потрясением для доктора Яшвина, не случайно он даже через несколько лет помнит все детали произошедшего, точную дату и даже час. Рассказывает он обо всём с внешним бесстрашием, не раскрывает собственные эмоции, не рефлектирует, лишь скупно передаёт слова, поступки, в то же время вспоминая более подробно некоторые детали, которые, казалось бы, не так значительны, но врезались в память, как это бывает в моменты потрясений (например, звёздное небо). Краткость, сдержанность и простота рассказа героя производят даже большее впечатление, чем могли бы произвести самые красноречивые и эмоциональные излияния. Никакие слова, пусть даже крайне экспрессивные, не отразят полностью чувства, пережитые героем. Тем не менее он не сожалеет о своём поступке.

Если же говорить о «Белой гвардии», то в *неопубликованном* варианте финала доктор Алексей Турбин становится свидетелем жестокого убийства, совершаемого петлюровцами, и приходит к мысли о том, что «тут необходимы большевики»: нужны их сила и решительность, чтобы справиться с вакханалией, с погромами и бандитским разгулом. В собственном воображении Алексей сам готов уничтожить палачей. А в *опубликованном* уже в 1929 г. финале «Белой гвардии» тоже есть эпизод убийства человека палачами-петлюровцами, но в этом фрагменте уже не присутствует Турбин. Он не мобилизован петлюровцами в качестве врача, в отличие от Бакалейникова («В ночь на 3-е число») и Яшвина («Я убил»), хотя такой сюжетный ход, в принципе, не входил бы в противоречие с общей концепцией «Белой гвардии». Кроме того, даже не будучи мобилизованным, доктор мог, в принципе, оказаться свидетелем трагического события просто случайно. Почему же М. Булгаков решил изменить эпизод и изъять из него изображение острой реакции Алексея Турбина на страшную, преступную жестокость?

Возможно, мысль о насилии, пусть даже в отношении тех, кто заслуживает казни, не соответствовала характеру интеллигента Турбина. Здесь заметим, однако, что в фильме С. Снежкина «Белая гвардия» Алексей Турбин, вопреки тексту булгаковского романа, поступает практически как доктор Яшвин в рассказе

«Я убил»: «Там практически без предупреждения роман "Белая гвардия" становится рассказом "Я убил"» [4, с. 3]. Это, безусловно, искажает романную концепцию характера Алексея Турбина. Вспомним, что этот герой, выздоровев после ранения и тифа, с ужасом вспоминает, как, спасаясь от петлюровцев, стрелял в преследователей. Он подавлен, в отчаянии думает, что стал убийцей, он оправдывает себя лишь тем, что убил человека в бою. Такие мысли его посещают даже несмотря на то, что он не знает точно, убил кого-то из преследователей или нет: убегая от петлюровцев, Турбин стрелял наугад и мог вообще ни в кого не попасть. Размышления доктора, пожалуй, наиболее ярко показывают, что любое насилие, тем более убийство, противно натуре этого героя и сама мысль, что он мог стрелять в человека, приносит ему страдания.

Однако возможно и другое объяснение. В опубликованном финале романа убийство оказывается не только неотомщённым, но и вообще незамеченным: нет свидетеля-доктора, который посочувствовал бы жертве и эмоционально пожелал бы смерти палачу. И это символично, с точки зрения писателя: человека мучают и убивают, и никто об этом даже не задумается – так жестоки законы революционного времени, так ужасна гражданская война. Настолько глубок пессимизм автора, что картина получается совершенно безнадежной: «Заплатит ли кто-нибудь за кровь? Нет. Никто... Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать её не будет. Никто» [5, с. 241]. Впоследствии в пьесе «Дни Турбиных» М.А. Булгаков вновь включит сцену издевательства петлюровцев над евреем, правда, по содержанию не совсем такую, как в романе и рассказе. В драме в этом эпизоде, как и в «Белой гвардии», нет героя, который посмотрел бы на происходящее с точки зрения общечеловеческого гуманизма, с точки зрения интеллигенции и испытал бы желание покарать зло. Причём в «Днях Турбиных» это вполне объяснимо: здесь вообще нет героя-интеллигента, попавшего в чуждую для него военную обстановку и остро переживающего жестокость петлюровцев; Алексей Турбин уже не врач, и он наделён иным – по сравнению с Турбиным в «Белой гвардии» – характером. В этом смысле отсутствие Алексея Турбина в подобном эпизоде «Белой гвардии» более интересно и показательно, чем в пьесе.

Итак, эпизод, присутствующий в трёх произведениях, художественно решён по-разному в каждом случае, и это, безусловно, связано с определённой *эволюцией авторской позиции*.

В 1922 г. – во время написания рассказа «В ночь на 3-е число» и первоначального варианта финала «Белой гвардии» – автор, по всей видимости, полагал, что остро переживать проявление жестокости – это в природе типичного русского интеллигента, но по-настоящему справиться со злом (а это в данном случае требует насильственных методов) он способен лишь в воображении. А в результате петлюровщина безнаказанно торжествует, пока в город не вступают красные, которые уже не будут поинтеллигентски мягкотелы и не остановятся перед расправой со своими врагами. В 1926 г. в рассказе «Я убил» М. Булгаков вернулся к этому эпизоду и на этот раз уже наделил своего героя способностью противостоять злу с помощью насилия, причём даже не в воображении, а в реальности. А в конце 20-х гг., когда вышел в свет финал романа «Белая гвардия», писатель *изъял из текста даже воображаемую казнь палача, усилив тем самым ужас происходящего и пессимистическое настроение.*

Три вышеназванных произведения объединены несколькими мотивами: отношением к большевикам как к единственной реальной силе, способной справиться с петлюровщиной; постановкой проблемы борьбы со злом; центральной ролью образа доктора. Кроме того, их объединяет *символика звёзд*, которая несёт на себе значительную смысловую нагрузку и имеет большое значение для понимания авторской интенции.

В рассказе «В ночь на 3-е число» Бакалейников в момент убийства слышит страшный грохот начавшейся атаки и видит *Венеру*, которая как будто с треском разрывается: «Звезда Венера над Слободкой вдруг разорвалась в застывшей выси огненной змеей, брызнула огнем и оглушительно ударила» [6]. В этом, с одной стороны, есть символическая картина разрушения жизни и любви. Но, с другой стороны, Булгаков продолжает: «Черная даль, долго терпевшая злодейство, пришла наконец на помощь обессилевшему и жалкому в бессилье человеку» [6]. И тогда в тексте просматривается уже иной смысл: брызнувшая огнём Венера – это символ того светлого начала, которое вбирает в себя понятия мира, любви, добра, и эта Венера взрывается, защищая мир и карая жестокость. В финале рассказа доктор видит ту же самую Венеру, которая каким-то чудом «склеилась», хотя и приобрела странный для неё красноватый оттенок. В этом можно увидеть символ возвращения к устойчивости бытия, к миру и любви, хотя и пережитая трагедия не пройдёт просто так, не будет забыта, что символизирует красноватый оттенок звезды.

В «Белой гвардии» в момент гибели несчастной жертвы от рук петлюровцев тоже начинается грохот выстрелов, и в небе как будто разрывается звезда, но на этот раз уже не Венера, а *Марс*: «...звезда Марс над Слободкой под Городом вдруг разорвалась в замёрзшей выси, брызнула огнём и оглушительно ударила» [5, с. 240]. «Воинственный» Марс в этом контексте выглядит более адекватно, чем «звезда пастушеская» Венера, которая в рассматриваемом эпизоде вообще не присутствует, как не присутствует в нём и доктор. Изображение Венеры в рассказе «В ночь на 3-е число» как раз соответствовало тому, что страшное событие видел человек мирный по своей природе, любящий, гуманный. И как доктор потрясён жестокостью, так и звезда разрывается и брызжет огнём. В этом просматривается параллелизм. А в «Белой гвардии» (в опубликованном в 1929 г. финале) гибель человека не затрагивает других людей, и чёрное небо с играющими звёздами довершает пессимистическую картину. Зловеще разрывающийся огнём Марс знаменует собой крах петлюровщины, но это уже не связывается с возмездием за несчастную жертву: автор изымает из текста те слова, которые в рассказе «В ночь на 3-е число» свидетельствовали о возмездии самой природы за беззащитного человека.

Образ Марса как символа войны есть не только в рассмотренном выше фрагменте «Белой гвардии» – он возникает в начале романа и в конце, причём в этих эпизодах он «уравновешивается» образом Венеры. На первых страницах мы видим описание Венеры и Марса как символов любви и войны. В финале всё небо «усеяно красными дрожащими Марсами», и Венера приобретает красноватый оттенок. Можно понять это так: «Игра звёзд на небе поворачивается к победе красных» [7, с. 147]. Но можно и иначе: красноватый оттенок символизирует трагичность пережитого, которая не может не отразиться на всех сферах жизни, на всех чувствах человека, – даже любовь в этом мире не останется прежней, она будет сопровождаться «привкусом» трагедии. Но всё же в любом случае любовь, добро из жизни людей не исчезают, на них держится бытие. Марс торжествует, но Венера, хотя и опалённая жестокостью войны, тоже жива, как жив ещё дом Турбиных, с его кремовыми шторами и зелёным абажуром.

Когда доктор Яшвин в рассказе «Я убил» думает о своей возможной гибели, то по контрасту с этим трагическим настроением возникает эмоционально окрашенный образ звёздного неба, выражающий светлое начало гармонии и красоты, – как на последней странице «Белой

гвардии», где звёзды напоминают «занавес Бога», картину богослужения. С другой стороны, когда доктор Яшвин прячется от петлюровцев, а вокруг гремят выстрелы, он видит на небе звезду, которая как будто разрывается от оглушительного выстрела, и ему кажется, что это Марс: «В трещину я видел одну звезду, почему-то думаю, что это был Марс. Мне показалось, что её разорвало. Это первый снаряд лопнул, закрыл звезду» [8]. Здесь тоже нет упоминания о Венере: образ Марса более соответствует характеру Яшвина – человека, способного переступить ту грань, которая для прежней интеллигенции (для таких людей, как Бакалейников) была непреложным законом бытия.

Итак, в рассказе «В ночь на 3-е число» говорится о Венере, в романе «Белая гвардия» изображаются Венера и Марс. А в рассказе «Я убил» появляется образ Марса и не упоминается Венера. Вероятно, это связано с тем, что война здесь фактически восторжествовала над миром и любовью, и это выражается не только в поступках петлюровского полковника, но и в том, что доктор был вынужден совершить убийство и оказался способным на это. В обычной обстановке ему не пришло бы в голову кого-либо убить, тем более того человека, которого он только что перевязывал, но в сложившейся ситуации он должен был это сделать. «Взаимоотношения революции и интеллигенции развивались не по написанному в «шоколадных книгах», завещанных матерью Турбиным» [9, с. 5]. Прежде долг врача, несомненно, состоял в том, чтобы спасти, и важно, что *нравственный долг не расходился с профессиональным*. Теперь же такое *расхождение очевидно*, и нравственный долг – в том, чтобы убить. Булгаков «создаёт для своего героя такие жестокие, предопределённые обстоятельства условия выбора, что принятие верного нравственного решения становится действительно контрольным для него испытанием» – эти слова И. Виноградова [10, с. 266] относятся к Пилату, но, на наш взгляд, их столь же правомерно было бы отнести и к

герою рассказа «Я убил». Обстоятельства таковы, что если бы он продолжал лишь выполнять долг врача, то это было бы, с авторской точки зрения, как раз безнравственно (а эта точка зрения косвенно выражена словами вдовы, которая считает, что «делать перевязочку» палачу – это подлость), и доктор не простил бы себе интеллигентской мягкотелости, как Бакалейников в рассказе «В ночь на 3-е число» и Турбин в неопубликованном варианте финала «Белой гвардии». Война, тем более гражданская, переворачивает все понятия о нравственности и долге, всё мироощущение человека – и в этом торжество Марса. М. Булгакову удалось показать это художественно убедительно и эмоционально, причём это сделано как за счёт конкретных сюжетных ходов и образов героев, так и за счёт обобщённо-символических образов, переводящих повествование в философский, всемирно-исторический контекст.

Список литературы

1. Соколов Б. Энциклопедия булгаковская. М.: ЛОКИД-МИФ, 1996.
2. Светлако А. История одной сцены – из жизни и пьесы // <http://svetlako.livejournal.com/82373.html> (дата обращения: 20.03.2012).
3. Булгаков М. Столица в блокноте // http://lib.ru/BULGAKOW/r_stolica.txt (дата обращения 19.03.2012).
4. Наринская А. Военно-волевой роман // Коммерсантъ. № 39/П (4824). 05.03.2012. С. 3.
5. Булгаков М. Белая гвардия // Булгаков М. «Белая гвардия». «Жизнь господина де Мольера». Рассказы. Минск: Мастацкая літаратура, 1985. С. 3–247.
6. Булгаков М. В ночь на 3-е число // <http://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения 28.02.12).
7. Золотусский И. Заметки о двух романах Булгакова // Литературная учёба. 1991. № 2. С. 147–165.
8. Булгаков М. Я убил // http://www.erlib.com/Михаил_Булгаков/Я_убил/1/ (дата обращения 19.03.2012).
9. Альтшулер А. Булгаков-прозаик // Литературная газета. 1991. № 17. С. 5–6.
10. Виноградов И. Духовные искания русской литературы. М.: Русский путь, 2005. 672 с.

ON ONE EPISODE IN THREE STORIES BY M.A. BULGAKOV («THE NIGHT OF THE THIRD», «THE WHITE GUARD», «I HAVE KILLED»)

O.S. Sukhikh

Based on Bulgakov's novel «The White Guard» and his short stories «The Night of the Third» and «I Have Killed», the author analyses a recurring episode where a henchman of Petlyura commits a murder, and a doctor becomes a witness of the crime. The article examines the artistic transformation of this episode as it relates to the general idea of each of the stories.

Keywords: intelligentsia, revolution, star symbolism.